

Взгляд

АДМИРАЛ

«Адмирал» - подумала я, вспоминая впечатление от знакомства с этим человеком. Лишь через несколько дней я задалась вопросом: «Почему Адмирал?»

И опять в памяти всплыл красивый голос с переливами. Даже когда Адмирал говорил тихо, звук его голоса заполнял все пространство, и от его голоса становилось спокойнее на душе. Его осанка... он будто устремлен в небо и от этого кажется выше ростом. Мягкая и в то же время пружинящая походка, ритмичная, ровная, летящая и стремительная одновременно. Носок ноги тянет вперед за собой ногу, руки чуть сгибаются в локтях при ходьбе, как у военного, и он идет вперед словно крейсер, мягко рассекая воду.

Ему самое место на плацу. Рядом с ним всегда сохраняется чувство уверенности, даже в моменты опасности. А еще ему пойдет капитанская белая форма... да и синяя тоже. И когда волны будут вздыматься и кренить корабль на бок, все будут заражаться уверенностью и спокойствием, исходящим от этого человека. Одним словом Адмирал и точка.

Я поступила в отделение неврологии с радикулитом, промучившись 2,5 месяца сильными болями. Традиционные диклофенак, тексамен и прочие мази, таблетки и уколы не оказали благотворного действия, и через каждые три недели мне становилось еще хуже. В конце концов, я практически лишилась возможности вставать, пройдя к тому времени прием у трех неврологов, и умудрившись получить от них разные сочетания по таблеткам и мазям, но которые почему-то были одинаковыми по своим свойствам.

Боли были такими сильными, что хотелось каяться и просить прощения. Прочитав книгу Архимандрита Тихона «Несвятые святые» захотелось позвать священника для ритуала отпущения грехов.... Лежа очередной бессонной ночью я начала каяться Господу и перечислила все, о чем я действительно сожалею, и стало легче и тише в душе. Суета и смятение покинули меня в ту же минуту...

Адмирал подошел ко мне сам, когда в первый день своего пребывания в больнице я безуспешно пыталась преодолеть бесконечный коридор, чтобы набрать в кружку воды для чая. Каждый шаг отдавался мучительной болью, левую ногу приходилось волочить за собой, на лице выступила испарина. Когда до бачка с водой оставалось метров пять, мое лицо исказила судорога отчаяния. «Мне не дойти...», - подумала я и услышала сзади себя участливый ровный голос: «Помочь?» Я кивнула так быстро, как смогла. Это был Адмирал. Быстро вернувшись ко мне с кружкой воды, он шел рядом, ни разу не высказав мне сочувствия, и когда я остановилась передохнуть, он просто стоял рядом. Он говорил о чем-то, но моя голова отключилась от боли, и единственной моей мыслью было «Только бы дойти...»

На следующее утро, когда я проснулась, во рту пересохло, воды в палате не было, и я подумала: «ничто не заставит меня пойти за водой, боль просто адская». Через полчаса ко мне зашла медсестра, и я уже молилась, чтобы мой вчерашний помощник оказался поблизости... Наверное, молитвы мои были услышаны. Адмирал проходил мимо, и не просто проходил, а чуть приостановился напротив моей палаты, задерживая шаг. Я впилась глазами в его лицо. «Пожалуйста, помогите». Когда я выпила чаю, я почувствовала, что жизнь прекрасна. Так окончилось наше общение с Адмиралом на второй день.

Собственно, наше официальное знакомство с Адмиралом состоялось, наверное, только на пятый день. Именно тогда я спросила как его имя. Но на третий день моя врач сообщила мне, что пора расхаживаться. И я пошла по длинному коридору, шаркая ногой, и преодолевая боль, наступая на ногу все увереннее. Адмирал, увидев меня, первым делом похвалил мою ходьбу, сказав, что я уже не волоку ногу за собой. Он сидел в кресле напротив своей палаты, а я курсировала туда и обратно. Очень быстро устав, я сообщила, что на сегодня хватит и вернулась к себе.

Мы стали встречаться по вечерам, когда после ужина пациенты выходили погулять по длинному коридору и размять ноги, а несколько человек, как и я, учились ходить. Адмирал сидел, я бы даже сказала, восседал на своем любимом кресле... и для каждого находил слова ободрения. Одному мужчине он сказал, что его шаг и ритм меняются. Мне сказал, что я стала меньше шаркать ногой, не забыв добавив, что мой шаг звучит по-разному, после чего я сконцентрировалась на том, чтобы наступать одинаково на обе ноги. Все тянулись к Адмиралу. Каждый получал от него поддержку, и казалось, от его слов, вырастают крылья за спиной, помогая нам идти чуть быстрее и увереннее. Адмирал был центром. Центром, вокруг которого скапливаются люди. Когда Адмирал выписался – наше крыло опустело и обезлюдело на сутки... Целые сутки я чувствовала пустоту, связанную с уходом Адмирала, удивляясь и благодаря Бога и судьбу за столь замечательную встречу, но до этого судьба подарила еще несколько дней общения с этим человеком.

...Был канун Прощеного воскресенья. Адмирал, увидев меня, спро-

к Адмиралу, взять мою порцию. Когда я заглянула к нему в палату, чтобы забрать традиционную кашу, Адмирал повелительно, но в то же время, очень мягко сказал: «Куда это ты собралась? Я тебе все приготовил, помыл, все стерильно, садись кушать». Я разогрела у него в микроволновке молочный суп, и мы поговорили на разные темы, пока я ела (а ем я очень медленно). Адмирал посетовал, что я слишком молода для такой болезни и рассказал о себе.

После гибели сына Адмирал пережил инсульт. Тело растягивали и восстанавливали очень долго, самыми разнообразными способами, преимущественно на озере Чусовском. Делали растяжку на 15 кг, с Адмирала пот лился ручьем, а медсестра, видя его страдания, плакала... Адмиралу понадобилось много времени, чтобы встать и научиться ходить, преодолев сильнейшую боль. Поэтому он не охал и не сочувствовал тем, кто еле двигался. Он считал, что лучший способ преодолеть боль – это забыть о ней. Очень часто любил повторять: движение – это жизнь. Надо все время двигаться, и давал рейсы по коридо-

сил, не хотела бы я отведать блинчиков, и, получив мой радостный кивок головой, пригласил к себе пить чай. В палате меня поразила чистота, которую поддерживал этот человек. Ни одной лишней вещи, ни на стуле, ни на диване, ни на столе. На стол он постелил газету, поставил чайник и приготовил кружку, ложку и варенье. Я обожаю блины, и все мои друзья и близкие, кто знает об этом, непременно готовят для меня это блюдо в честь приезда или по моей просьбе.

На следующий день ко мне приехали с визитом как раз во время ужина, и я обратилась с просьбой

ру с высокой скоростью на 3-5 тысяч шагов. И очень любил считать, сколько кругов он сегодня сделал.

Для меня этот человек стал примером не только сильной воли, но и обаяния, мудрости, такта. Каждое его слово было весомым и значимым. И я подумала, что если за свою жизнь я научусь хотя бы наполовину такому такту, обаянию и мудрости, если для каждого я смогу найти слова ободрения и поддержки, то свою жизнь могу считать прожитой не зря.